

меня дико оскорбило. Мы с отцом очень дружили. Пока не появилась Ангелина Николаевна, я спала в его комнате. Когда я проснулась, отец уже что-то писал. Потом мы шли гулять - на Тверской бульвар, на Патриаршие пруды. И на улице он тоже писал, а я могла делать все, что угодно. Поэтому я очень любила с ним гулять. Один раз я полностью вывалялась в луже, набрала ведро грязи. Он взял меня за руку и спокойно привел домой. Бабушка была в ужасе. Но так было всю жизнь - отец никому и никогда не разрешал делать мне замечания.

Однажды папа показал мне портрет Мейерхольда и сказал: "Запомни, это был великий режиссер, но никому не говори". К шести годам я уже знала всех великих режиссеров, про которых вслух говорить нельзя. А когда в школе мы начали изучать Некрасова, я, наученная папой, что творчество и личность смешивать нельзя, сказала учительнице, что вообще-то Некрасов был картежник и вор и обокрал Панаевых, но поэт он был прекрасный. Она тут же вызвала родителей. Я с 5-го класса уже жила с мамой и отчимом, Юрием Ивановичем Авериним (потом он стал народным артистом РСФСР), но идти в школу пришлось отцу. Мама сказала: это его штучки, пусть он и разбирается. Папа очень мило посидел в учительской. Там же были в основном женщины - так что о Некрасове все сразу забыли. А иногда я звонила ему и говорила: "Не хочу". Это был наш пароль: он сразу понимал, что я не хочу в школу, и мы шли с ним в кино. Фильмов пересмотрели массу!

Я тяжело пережила разрыв родителей. Бабушка меня как-то спросила: "У тебя хорошие отношения с Ангелиной?" - "Хорошие". - "А с Юрой?" - "Да. Только давай поменя-

ем их". Но родители нашли свои половинки. Ангелина была безумно верным человеком. У нее очень интересная родословная. По матери она - Караваева, из известного дворянского рода Кузьминых-Караваевых. Из этой же семьи - знаменитая монахиня мать Мария, в которую был влюблен Александр Блок. После революции часть семьи осталась в России. А отец Ангелины был из простых, но вышел в генералы. Мне всегда казался брак ее родителей странным мезальянсом. Но потом мне кто-то рассказал, что, оказывается, в 1922 году политработником приказывали жениться на дворянских дочерях для повышения интеллектуального уровня. У Ангелины от первого брака дочь Галина, старше меня на два года. Ангелина всю жизнь посвятила отцу. У него, конечно, были романы, но в пределах допустимого, так, чтобы жена ничего не узнала. Ему нравился процесс ухаживания, многие были в него влюблены, и он всем уделял внимание. Но ночевал он всегда дома, Ангелина нашла бы его где угодно.

Мамин муж Юрий Аверин был безумно талантливым актером. В театре у него было много ролей, а кино он не любил. Когда в Малом театре в спектакле "Дорога свободы" он играл негра и пел спичуэлсы, им восхищался сам Поль Робсон.

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

В СОЮЗЕ кинематографистов у отца был билет под номером 4 - в самом начале его пригласил туда Иван Пырьев. Отец был очень известным человеком и довольно успешным. Первый же фильм по его сценарию - "Верные друзья" - получил в Каннах главный приз. Потом вышли фильмы "Дайте жалобную книгу", "Бегущая по волнам", "На семи ветрах", "Государственный преступник", за который ему даже дали грамоту КГБ. По тем временам он был очень благополучен. Но у нас не было, например, ни дачи, ни машины - он просто не любил все это. Вообще тогда не было богемы, как сейчас. Это была нормальная интеллигентная публика, люди высокого интеллекта, энциклопедически образованные. Они вымерли, как мамонты. Все получали обычные зарплаты и гонорары. Иногда устраивали весьма скромные застолья. Про отца говорили потом, что он пил. Это было, но не в таких масштабах, как можно себе представить. У него была замечательная особенность: если он перепивал, то тут же засыпал.

Папу обожали академики. Это было еще время спора физиков и лириков. Любимое выражение моей няньки было: "Лирики - это говно". Потому что, когда папу исключили из всех союзов, лириков словно смело, за исключением нескольких человек. А все так называемые физики, академики - Андрей Сахаров, Петр Капица, Виталий Гинзбург - звонили, поддерживали, устраивали

ему домашние концерты, на которых собирали деньги. Песни появились в 1961 году. Из лагеря вернулся папин двоюродный брат Виктор. Тогда многих освобождали, и эти люди собирались в нашей квартире. Среди них был и знаменитый писатель Варлам Тихонович Шаламов. Папа говорил, что у него тогда что-то щелкнуло внутри, перевернулся весь мир. Хотя началось все немного раньше, после XX съезда партии, когда запретили его пьесу "Матросская тишина". У отца есть такие слова: "Я написал свою пьесу "Матросская тишина" после XX съезда партии, в то время, которое с легкой руки Ильи Эренбурга получило название оттепели. Название это, как ни странно, при всей своей пошлости наиболее точно отражает ту насморошно-хлипкую кутерьму, ту восторженно-потную неразбериху, которая эту пору отличала".

Когда он понял, что ни в кино, ни в драматургии высказаться не может, появились песни. Сначала просто сатирические, а потом "Мы похоронены где-то под Нарвой", "Облака", "Ночной дозор". Каждая его песня - это маленький спектакль. Его любимое выражение: "Это не песни, это стихи, которые временно притворились песнями".

У отца был всего один открытый концерт - на фестивале "Бард-68" в новосибирском академгородке. Когда он пел песню памяти Пастернака, весь зал - более тысячи человек - встал. После этого ему сделали первое серьезное предупреждение. Потом на Западе без его ведома под фамилией Галич вышла книга его стихов, с чужой биографией и двумя книгами песнями. Тогда это считалось большим преступлением. Последней каплей послужило гневное письмо Дмитрия Полянского, члена Политбюро. Его дочь выходила замуж за актера Театра на Таганке Ивана Дыховичного. На свадьбу должен был приехать Высоцкий. Но его не было, и тогда молодежь включила записи Галича. Внезапно приехал Полянский, послушал и был жутко возмущен.

В 1972 году папу исключили из Союза писателей. Было очень смешно: на секретариате голоса разделились поровну. Против проголосовали Валентин Катаев, Алексей Арбузов, Агния Барто и прозаик Александр Рекемчук. Тогда им объяснили, что там, наверху, просили, чтобы решение было единогласным. Потом так же исключили из Союза кинематографистов. Отец остался без денег. У него была инвалидность - из-за трех инфарктов. И он получал пенсию - 54 рубля. Ангелина Николаевна очень тяжело все это переживала, но никогда отца не упрекала. Он был для нее богом. Но тогда она и начала пить. А он держался: пел по домам, продавал книги, работал "за негра" - переделывал чужие бездарные сценарии. Однажды сценарий был настолько плох, что он, при всей своей фантазии, ничего не мог придумать. А потом взял и перенес на колхозную почву весь сюжет "Ромео и Джульетты". Страсти разгорались прямо на тракторах.

РАЗРЯД ТОКА

В 1974 ГОДУ ему предложили покинуть страну. Очень многие думают, что он уехал сам. Нет. Его как последнего ученика Станиславского пригласили на работу в Норвегию. Выезд сначала не разрешали, а потом в ОВИРе сказали: "Либо вы уезжаете в Израиль, либо - в Сибирь". Советского гражданства его лишили, но другое он так и не принял, хотя ему предлагали. Он надеялся вернуться домой. Из всей эмиграции больше всего ностальгировали Александр Галич и писатель Виктор Некрасов, с которым они дружили еще с 16 лет. В КГБ об этом знали, и был даже разработан план: вернуть Некрасова и Галича в обмен на признание, что на Западе плохо. А ведь отец даже там говорил, что думал. Например, когда в Германии осквернили храм, он не молчал. Его передача на радио "Свобода" называлась "У микрофона Галич...". От предложения КГБ он отказался. Но

"Она нашла отца лежащим на полу с обугленными руками"

ему домашние концерты, на которых собирали деньги.

Песни появились в 1961 году. Из лагеря вернулся папин двоюродный брат Виктор. Тогда многих освобождали, и эти люди собирались в нашей квартире. Среди них был и знаменитый писатель Варлам Тихонович Шаламов. Папа говорил, что у него тогда что-то щелкнуло внутри, перевернулся весь мир. Хотя началось все немного раньше, после XX съезда партии, когда запретили его пьесу "Матросская тишина". У отца есть такие слова: "Я написал свою пьесу "Матросская тишина" после XX съезда партии, в то время, которое с легкой руки Ильи Эренбурга получило название оттепели. Название это, как ни странно, при всей своей пошлости наиболее точно отражает ту насморочно-хлипкую кутерьму, ту восторженно-потную неразбериху, которая эту пору отличала".

Когда он понял, что ни в кино, ни в драматургии высказаться не может, появились песни. Сначала просто сатирические, а потом "Мы похоронены где-то под Нарвой", "Облака", "Ночной дозор". Каждая его песня - это маленький спектакль. Его любимое выражение: "Это не песни, это стихи, которые временно притворились песнями".

надежду на возвращение не терял никогда.

О смерти папы до сих пор ничего не выяснено. Они жили в Париже. 15 декабря 1977 года он устанавливал радиоаппаратуру, которую привез из Италии. Ангелина Николаевна вышла в магазин и через 15 минут нашла отца на полу еще теплым, с обгоревшими руками, в которых он сжимал антенну. По официальной версии, его ударило током. Следствие шло неделю и установило, что это был несчастный случай. Перед Ангелиной Николаевной вопрос был поставлен ребром: если вы признаете его смерть несчастным случаем, то получите от радио "Свобода" пожизненную ренту, если нет, то расследование продолжится, и вы не получите ничего. Все это очень странно. Я была в этой квартире в 1991 году. Она единственная в доме сдается под офис и полностью переделана. Кроме того, наши криминалисты уверяли меня в том, что удар током не мог дать ожог рук, да и напряжение в Европе низкое. Я считаю, что это не был несчастный случай.

Когда появилась возможность посмотреть архивы КГБ, я это сделала. Мне, конечно, не все показали. Но и это было сильнейшим потрясением. Я видела доносы, подписанные кличками: Гвоздь, Фотограф. Папу называли Гитаристом. В комитете сидели весьма приличные ребята, которые попросили у меня кассеты с песнями отца - переписать. Они даже расшифровали мне некоторые клички, но их я называю значительно позже. Писали доносы люди искусства - все те же лирики.

Ангелина Николаевна пережила папу на 9 лет. Она жила со своей собачкой в маленькой квартире в арабском квартале, которую ей снимала "Свобода". После того как в Москве умерла ее дочь, она снова начала пить и однажды не затушила сигарету. Пожара не было, но тлео одеяло. Вместе с ней угорела и собачка, которая почему-то не догадалась выбежать на открытый балкон. Когда полиция вызвала в квартиру ее близкую подругу, та не обнаружила некоторых документов. Похоронили Ангелину Николаевну в одной могиле с отцом на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Полина МОЛОТКОВА
Фото из домашнего архива